

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.5>

UDC 811.512'366
LBC 81.64-21

Submitted: 26.02.2021
Accepted: 11.05.2021

MORPHONOLOGICAL PHENOMENA IN THE KALMYK LANGUAGE OF THE 18th CENTURY (EXEMPLIFIED BY THE DOCUMENTS OF THE NATIONAL ARCHIVE OF THE REPUBLIC OF KALMYKIA)

Danara A. Suseeva

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russia

Abstract. The results of the analysis of morphonological phenomena in the words of the Kalmyk language of the 18th century are presented in the article. The research material is comprised of the official business documents of the Kalmyk khans of the 18th century and their contemporaries, written in the old Kalmyk language, called *Todo bichig* “clear letter”, which were deposited in the National Archive of the Republic of Kalmykia (Fund 36, Inventory 1). In Kalmyk linguistics, for the first time, information was obtained about the compatibility of morphemes of the Kalmyk language of the 18th century and about morphonological phenomena caused by the processes of word- and form building. It was found out that at the junction of morphemes such morphonological phenomena as truncation, overlap, augmentation, alternation, interfixation, vowels lengthening often occurred, and within morphemes – the alternation of short and long vowels. It is revealed that the paradigms of root and subordinate morphemes of the 18th-century Kalmyk language differ from similar paradigms of the modern language. The results obtained are important not only for understanding the historical grammar of the Kalmyk language, but also for the theoretical grammar of the modern Kalmyk language. The perspective of this study is that its results are the starting point for a new direction – the comparative study of morphemics and morphonological phenomena of related Mongolian languages belonging to the agglutinative type of languages. It becomes possible to compare and contrast not just their single identical root and affixal morphemes (the traditional approach), but also their morphemic paradigms, consisting of allomorphs and variants in both diachronic and synchronous aspects.

Key words: Kalmyk language, history of the Kalmyk language, 18th century, morphonology, compatibility of morphemes, morphemic seam.

Citation. Suseeva D.A. Morphonological Phenomena in the Kalmyk Language of the 18th Century (Exemplified by the Documents of the National Archive of the Republic of Kalmykia). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 4, pp. 64-73. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.5>

УДК 811.512'366
ББК 81.64-21

Дата поступления статьи: 26.02.2021
Дата принятия статьи: 11.05.2021

МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ XVIII в. (НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА ДОКУМЕНТОВ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ)

Данара Аксеновна Сусеева

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, г. Элиста, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты анализа морфонологических явлений в составе слов калмыцкого языка XVIII века. Материалом исследования послужили официально-деловые документы калмыцких ханов XVIII в. и их современников, созданные на старописьменном калмыцком языке (Бюджетное учреждение Республики Калмыкия «Национальный архив», ф. 36, оп. 1). Впервые получены сведения о сочетаемости морфем калмыцкого языка XVIII в. и морфонологических явлениях, вызванных процессами

словообразования и формообразования. Установлено, что на стыке морфем происходили такие морфонологические явления, как усечение, наложение, наращение, чередование, интерфиксация, удлинение гласных, а внутри морфем – чередование кратких и долгих гласных. Обнаружено, что парадигмы корневых и служебных морфем калмыцкого языка XVIII в. отличаются от таких парадигм современного калмыцкого языка. Перспектива данного исследования видится в том, что его результаты могут стать базой для сопоставительного изучения морфонологических явлений родственных монгольских (агглютинативных) языков: не только единичных идентичных корневых и аффиксальных морфем, но и их морфемных парадигм, состоящих из алломорф и вариантов как в диахроническом, так и синхронном аспекте.

Ключевые слова: калмыцкий язык, история калмыцкого языка, XVIII век, морфонология, сочетаемость морфем, морфемный шов.

Цитирование. Сусеева Д. А. Морфонологические явления в калмыцком языке XVIII в. (на материале языка документов Национального архива Республики Калмыкия) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 64–73. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.5>

Введение

Вопросы морфемики монгольских языков до сих пор остаются малоизученными в языкознании. В грамматиках современных монгольских языков такой раздел отсутствует (см., например: [Грамматика калмыцкого языка..., 1983; Орчин цагийн монгол хэл, 2010]). Мы согласны с Д.Ш. Харанутовой, что пока недостаточное внимание уделяется словообразовательной морфемике в новейших работах по словообразованию бурятского языка [Харанутова, 2012]. Одну из первых попыток теоретического осмысления морфемики и морфонологии современного монгольского языка с позиций теоретической лингвистики предпринял С.А. Крылов. Он старается привлечь внимание исследователей современного монгольского языка к решению таких актуальных задач, как выявление природы морфонологии, принципов выделения морфем, сути звуковых чередований, их типологии и т. д. [Крылов, 2004]. Заслуживает также внимания работа Г.А. Дырхеевой и О.С. Ринчинова, которые впервые описали морфемный состав слов на материале языка художественных произведений одного из бурятских писателей [Дырхеева, Ринчинов, 2005].

Первые сведения о морфонологии современного калмыцкого языка появились в связи с изучением словообразовательных гнезд [Сусеева, 1985]. В настоящее время накоплен большой исторический и современный материал для того, чтобы в калмыцком языкознании морфемику выделить в особую дисциплину наряду с фонологией, лексикологией, сло-

вообразованием, морфологией и синтаксисом. Как нам представляется, морфемика калмыцкого языка должна состоять из четырех разделов: учение о морфеме (морфемика в узком смысле); учение о сочетаемости морфем (морфотактика, или, как говорил Ю.С. Маслов, «учение о синтаксисе морфем»); учение о явлениях морфемного шва (морфонология); учение об исторических процессах в морфемном составе слова [Сусеева, 2011, с. 30–60].

Для изучения проблемных вопросов, касающихся морфемного состава слова и структуры производных слов калмыцкого языка, процессов словообразования и формообразования в истории калмыцкого языка и его современном состоянии, актуально описание явлений, возникающих на стыке морфем, однако в работах лингвистов этому вопросу уделяется недостаточно внимания. Цель данной статьи – охарактеризовать типы изменений на морфемном шве с учетом нового языкового материала.

Материал и методы

Явления, сопровождающие соединение морфем, впервые рассматриваются на новом материале, хранящемся в Бюджетном учреждении Республики Калмыкия «Национальный архив». Объект исследования составляют производные слова, зафиксированные в официально-деловых письмах калмыцких ханов XVIII в. и их современников. Эти документы созданы на старописьменном калмыцком языке, называемом **тодо бичиг** «ясное письмо». Предмет изучения – морфемный состав слов,

сочетаемость морфем, структура производных слов и грамматических словоформ.

В работе мы опираемся на теорию морфем, которая отражена в трудах отечественных лингвистов (см.: [Бодуэн де Куртэнэ, 1963; Земская, 1973; Кубрякова, Панкрац, 1983; Лопатин, 1977; Лопатин, Улуханов, 1970а; 1970б; Панов, 1968, 1970; Редькин, 1970; Реформатский, 1970а; 1970б; 1970в; Тихонов, 1996; и др.]). Морфема понимается как минимальная значимая единица языка, реализуемая в словах и словоформах в виде морфов. «Совокупность морфов, выступающих в различных словоформах, составляет морфему, если эти морфы являются по отношению друг к другу алломорфами или вариантами» [Лопатин, Улуханов, 1970а, с. 32]. Морф – это минимальная значимая единица слова и словоформы [Лопатин, Улуханов, 1970а, с. 30–31].

Следовательно, термином «морфонология» мы называем один из разделов морфемистики, который изучает изменения морфем, происходящие в составе слов при словообразовании и формообразовании, и рассматриваем морфонологические явления, сопровождающие как словообразование, так и формообразование.

Морфемы, участвуя в образовании слов и грамматических форм, в определенных позициях часто подвергаются изменениям. Место, где сочетаются морфемы в составе слов и словоформ, в современных работах принято называть либо «границей морфем», либо «морфемным швом», либо «стыком морфем». При установлении морфемных границ в составе слова мы учитываем рекомендации М.В. Панова, который впервые предложил различать три понятия: «морфемный состав слова», «структура производного слова» и «членность слова» [Панов, 1968].

Границу между морфемами в составе слов обозначаем традиционно графическим знаком «-» (дефис), например: *эм-ч* «лекарь» < *эм* «лекарство»; *гер-ин* «дома» < *гер* «дом»¹.

Результаты и обсуждение

При сочетании морфем наблюдаются изменения, во-первых, на границе морфем, например: *зун* «лето» > *зус-л/х* «летовать» (черед.² *н/с*); *негн* «один» > *нежс-эд* «по од-

ному» (усечение звука *н* и черед. *з/жс*); во-вторых, внутри сочетающихся морфем, например: *нарн* [*нарън*] «солнце» > *нарн-а* [*нарн-а*] «солнца», где появляются две морфы одной морфемы *нарън- / нарн-*.

В XVIII в. служебные морфемы имели твердорядные и мягкорядные алломорфы, ср.: – окончание исход. пад.: *-ааса // -оосо // -ээсэ // -өөсө // -иисэ // -уусу // -үүсү*, например:

(1) *Чагдоржаб эндэ бида мэндү, тэндэ Айдархани кинас мэндү бийиза. Йэкэ цахаан хаанааса йоун занги байини* (Сусеева, 2003, с. 78: из письма Чагдоржба, сына хана Аюки, астраханскому воеводе М.И. Чирикову, апрель 1714 г.) – Чагдоржаб здесь со всеми здоров, надеюсь, что и астраханский князь здоров. От русского царя есть какие-либо вести? (*йэкэ цахаан хан* «русский царь» > *йэкэ цахаан хаан-ааса* «от русского царя»);

(2) *Чагдор Жаб өгбө. Эндэ бида мэндү, тэндэ та мэндү бийиза. Урдаки занги үнэн болбо, хурбан түмэн цэриг лаб ирээбэ. Цэригээн мордуулжи илгэй та. Хаанай баригдагсан элчи эжиллийн көбөөгөөсө цэриг дотороосо орхожи ирибэ* (Сусеева, 2003, с. 76: из письма Чагдоржаба М.И. Чирикову, апрель 1714 г.) – Чагдоржаб послал. Мы здесь все здоровы, надеемся, что и Вы там здоровы. Препятствия оказались правдой. Действительно, прибыло войско в 3 тысячи человек. Поднимайте свое войско и присылайте. Плененный посланник хана [Аюки] бежал с берега Волги, изнутри войска... (*көбөө* «берег» > *көбөө-г-өөсө* «с берега»; *дотор* «внутри» > *дотор-оосо* «изнутри»);

– окончание дат. пад.: *-ду // -дү // -ту // -тү*, например:

(3) *Йэкэ эзэни үйилэчи тайни собэдниг айндархани губэрни губэрнаатор Василэй Микидүчи Татишчэбту, итэгэлтэй инаг ахадаан бичибэ* (Сусеева, 2009, с. 647–652: из письма наместника Калмыцкого ханства Дондук Даши В.Н. Татищеву, 23 февраля 1743 г.) – Ее императорского величества в делах управляющему тайному советнику астраханскому губернатору Василию Никитичу Татищеву, верному приятелю и старшему брату (*Татишчэб* «Татищев» > *Татишчэб-ту* «Татищеву»);

(4) *Ибаан Басали Кийикин ду бичиг өгбө* (Сусеева, 2003, с. 148: из письма хана Аюки Кийикину Ивану Васильевичу, астраханскому коменданту, 30 августа 1722 г.) – Ивану Васильевичу Кийикину вручил письмо (*Кийикин* > *Кийикин ду*);

(5) *Йамар баса санаахаан Билүдкү дү күүнэжи илгэктүн* (Сусеева, 2003, с. 155: из письма Дасанга, старшего внука хана Аюки, астраханскому

губернатору Артемию Петровичу Волинскому, 17 декабря 1722 г.) – Если есть какие-либо соображения, передав Билюдке, пришлите (*Билүджү* > *Билүджү дү*).

(6) *Дон рубрашийин бичиг тамһа. Кирухайин Бэмбэд ту салам гэбэ. Дөү чини Джа(н) көбүүдтэй гээн мини дөү Бодонг той эзэни зарлиг ту мини андаһаар ту итэгэл үгэй ниднон чимаду одбо* (Сусеева, 2009, с. 604, 613: из письма наместника Калмыцкого ханства Дондук Даши кабардинскому владельцу Кирию-хану Мамбету, 17 января 1743 г.) – Официальное письмо наместника Калмыцкого ханства. Посылаю привет Кирию-хану **Бембету**. Твоя младшая сестра Джан (вдова калмыцкого хана Дондук Омбы) с детьми и с моим младшим братом Бодонгом, не поверив указу императрицы и моей клятве, в прошлом году откочевала к тебе... (*Бэмбэд* > *Бэмбэд ту*; *зарлиг* «указ» > *зарлиг ту* «указу»; *андаһаар* «клятва» > *андаһаар ту* «клятве»; *чи* «ты» > *чима-ду* «к тебе»);

– окончание совм. пад.: *-тай // -той // -тэй // -төй*; например:

(7) *зун Хармаду одугсан элчи мани харамийин элчитэй ирэбэ* (Сусеева, 2003, с. 74: из письма Чагдоржаба М.И. Чирикову, февраль 1714 г.) – летом ходивший в Крым посланник наш вернулся с крымским посланником (*элчи* «посланник» > *элчитэй* «с посланником»);

(8) *амуһууланг ту хаанай элчи ирэнэй, минһан цэриг арба тобтой, бишкеүр зурна барапан орушийин наадун тоотуйиги илгээтүн* (Сусеева, 2003, с. 75: из письма Чагдоржаба М.И. Чирикову, март 1714 г.) – приезжает (к нам) посланник китайского императора, пришлите (нам) следующее: тысячное войско с **10 пушками**, дудки (флейты), зурны, барабаны, русских музыкантов (*тоб* «пушка» > *тоб-той* «с пушкой»).

Алломорфы калмыцкого языка XVIII в. практически полностью совпадают с алломорфами современного монгольского языка, но не совпадают с алломорфами современного калмыцкого языка. Ср.: совр. монг. язык: исход. пад. *-аас // -оос // -ээс // -өөс* [Онорбаян, 2004, х. 212]; калм. язык XVIII в.: *-ааса // -оосо // -ээсэ // -өөсө*; совр. калм. язык: *-ас // -эс*. Появление таких алломорф было вызвано сингармонизмом. Язык документов XVIII в. показывает, что гласные служебных морфем чаще всего дублировали гласную первого слога корневой морфемы. Ср.:

– *а* в корне и аффиксе: *хурбан хаалһаар* «тремя дорогами»;

– *э* в корне и аффиксе: *тэнгэ-ээсэ йабуксан хазанай элчи* «с Дона прибывший казанский посланник»;

– *о* в корне и аффиксе: *хобон-оосо зангги байину* «есть ли вести с Кубани»;

– *ө* в корне и аффиксе: *эжилийин көбөө-г-өөсө* «с берега Волги».

Окончание дат. пад. в XVIII в. имело четыре алломорфы: *-ду // -дү // -ту // -тү*. Ср.: *үг баса элчийин аман-ду бэй* «еще есть устное сообщение у посланника», *Сэрийин көлдү ирэбэ би* «я прибыл к озеру Сэри»; *айдархани байар-ту өгбө* «астраханскому боярину вручил», *Михалии-тү бичиг өгбө* «дал письмо Михаилу». В современном калмыцком языке две алломорфы *-д // -т*.

По морфологической классификации языков мира калмыцкий язык относится к агглютинативным языкам, в них «структура слова прозрачна, т. к. границы морфем отчетливы; на стыках морфем, как правило, не возникает значительных звуковых изменений, а возникающие связаны с явлением т. наз. стяжения и носят единичный характер» [Лингвистический..., 1990, с. 17]. По результатам нашего исследования такая характеристика структуры слова не соответствует калмыцкому слову.

Результаты сравнительного изучения калмыцкого языка XVIII и XX вв. показывают, что в калмыцком языке сформировалась система изменений морфем, связанных со словообразованием и формообразованием, которая породила модификацию морфем и непрозрачность границ между ними.

В XVIII в. при образовании слов и грамматических форм на морфемных швах возникали разнообразные изменения звуковой оболочки морфем. Нами были обнаружены следующие: сингармонизм, усечение, наложение, наращение, интерфиксация, удлинение гласных, чередование. Их наличие подтверждается и новыми опубликованными документами [Русские переводы..., 2013]. Совокупность явлений на морфемном шве в словах калмыцкого языка XVIII в., как можно уверенно сегодня утверждать, отличается от подобной совокупности в современном калмыцком языке. Охарактеризуем явления, возникающие на морфемном шве (на границе морфем

и внутри морфем), в словах калмыцкого языка XVIII века.

Сингармонизм возникал при сочетании основ (корневых морфем) с аффиксами, когда гласные аффиксов «подстраивались» артикуляционно или акустически под гласные предшествующих основ (корневых морфем). Есть два вида сингармонизма: полный и неполный. Полный сингармонизм характеризуется тем, что в служебных морфемах при сочетании их с основой появляются такие гласные, которые по звучанию полностью совпадают с гласными основы (корня). Например, *Хобон-оосо Харам-ааса занги байину* «с Кубани и Крыма есть ли новости?»; *Чагдоржаб өг-бө* «Чагдоржаб вручил»; *Элчи цүрүм табуула өтөркөн илгэ* «быстро пошли посланника Цюрюма с пятью (сопровождающими)». Неполный сингармонизм отличается тем, что гласные служебных морфем соответствуют гласным основы (корня) лишь по рядности. Например, твердорядные: *цаһан хаан-ду бичиг* «письмо царю», *зун Харам-ду одуксан* «летом ходивший в Крым»; мягкорядные: *манай хароул баса үзэжи ирэ-бэ* «наш караул тоже, увидев, вернулся», *дари хорһолжи али йэкэ болхоорни өгү-ктүн* «если есть много, то дайте порошу и свинца».

В языке XVIII в. в результате сингармонизма появилось большое количество алломорф. Так, у форм исход. пад. было 5 частных алломорф: *-ааса // -ээсэ // -иисэ // -оосо // -өөсө*. Например: *көбөө-г-өөсө* «с берега», *дотор-оосо* «изнутри», *мэскуүг-ээсэ* «из Москвы», *элч-иисэ* «от посланца», *улус-ааса* «от людей». У форм оруд. пад. было 7 алломорф: *-ээр // -аар // -иир // -оор // -өөр // -уур // -үүр*. Например: *үг-ээр* «словом», *зарлиһ-аар* «по закону», *күч-иир* «силой», *өбөс-өөр* «сеном», *онгһоц-оор* «лодкой», *күнүүс-үүрэн* «со своей провизией».

Усечение происходило при соединении двух морфем, когда предшествующая морфема в сочетании с последующей морфемой утрачивала один или два конечных звука, как в русском языке [Земская, 1973, с. 137–140]. Усечение связано с понятием основы исходной (или начальной) формы слова. В наших исследованиях исходной формой любого слова мы называем ту, которая является «словарной»: у существительных – форма им. пад.

ед. ч., а у глаголов – инфинитив. Например, *нэмэшийин нойо-й-ги күргэнэй гэнэй* «говорит, что сопровождает немецкого князя» (им. пад. *нойон* «князь» > вин. пад. *нойо-й-ги* «князя»); *цэригээн морд-уул-жи илгэйтэ* «посылайте в поход свое войско» (*мордо-ху* «выступить в поход» > *морд-уул-ху* «отправить в поход» > *морд-уул-жи* «выступая в поход»).

Наложение наблюдалось, когда начальный звук последующей морфемы накладывался на конечный звук предыдущей морфемы, например: *Арбан цаһаан бөөс аба* «взял десять (кусков) белой бязи». В этом предложении форма *аба* «взял» образована от корневой основы *аба-* глагола *аба-ху* «брать; захватить» с помощью окончания прошедшего времени *-ба*. В данном случае произошло наложение окончания, состоящего из двух звуков – *ба*, на два конечных звука корневой морфемы *-ба-* (*аба-* + *-ба* > *абаба* > *аба*), что и привело к появлению формы *аба*.

Наращение возникало при соединении морфем, когда в начале последующей морфемы появлялся звук, идентичный конечному звуку предшествующей морфемы. Ср.: *Тэнг-гээсэ йабуксан хазанай элчи* «шедший с Дона казанский посланник» (*Тэнг* «Дон» > *Тэнг-гээсэ* «с Дона»); *йэкэ цаһаан хани зарлигһаар* «указом великого государя» (*зарлиг* «указ» > *зарлиг-һаар* «указом»). В приведенных контекстах содержатся грамматические формы, при образовании которых имели место случаи наращения падежных окончаний, а именно *г-г: тэнг-гээсэ* «с Дона» (исход. пад.), *г-һ: зарлиг-һаар* «указом» (оруд. пад.).

Интерфиксация обнаруживалась на морфемных швах, когда между сочетающимися морфемами вставлялись «буферные звуки», устраняющие нехарактерные для калмыцкого языка сочетания звуков, например: *хотоноосо ирэксэн элчиги үйисүкийин байар* *хурбан күү-г-эр* *күргүүлжи* «яицкий комендант хивинского посла с тремя людьми проводил»; *цаһаан хаани закаа-һ-аар* «Указом великого государя». В этих примерах представлены грамматические формы, образованные при участии интерфиксов: *күүгэр* «человеком» (форма оруд. пад. от сущ. *күүн* «человек» > *күү-г-эр* «человеком»); *закааһаар* «указом» (форма оруд. пад. от сущ. *закаа* «указ» > *закаа-һ-ар* «указом»). В качестве

«буферных» звуков на морфемных швах выступают чаще всего [г] и [h], которые устраняли нетипичные для калмыцкого языка сочетания звуков типа *ҮҮэ* (*кҮҮ-г-эр* «человеком»), *ааа* (*закаа-h-ар* «указом»). В редких случаях могли выступать и другие звуки, например звук [б]: *почитоо-б-ор хойор күү илгэй гэжи бэлэй та* «вы обещали, что с почтой пошлете двух человек» (форма оруд. пад. от сущ. *почитоо* «почта» > *почитоо-б-ор* «почтой»). Интерфиксация в калмыцком языке XVIII в. относится к числу самых продуктивных явлений на морфемном шве, хотя количество интерфиксов было ограниченным.

Удлинение гласных на морфемном шве происходило, когда предшествующая морфема оканчивалась на гласную, а последующая морфема начиналась с такой же гласной. Например, такое явление наблюдается при образовании разделительных деепричастий с помощью суффикса *-од* // *-эд* // *-ид*, ср.: *кэку* «делать» > *кэ- + -эд* > *кээд* «сделав», *гэку* «сказать» > *гэ- + -эд* > *гээд* «сказав», *болоху* «быть» > *боло- + -од* > *болоод* «будучи», *олоху* «найти» > *оло- + -од* > *олоод* «найдя», *бариху* «поймать» > *бари- + -ид* > *бариид* «поймав». В результате перераспределения конечный гласный таких основ отошел к суффиксу, что привело к возникновению вариантов суффикса разделительного деепричастия с двумя одинаковыми гласными, которые стали восприниматься как долгие, ср.: *бол-оод* «будучи», *олоод* «найдя», *бар-иид* «поймав», *ир-ээд* «придя», *орh-оод* «сбежав», *ор-оод* «войдя» и др. Появилась непрозрачность границ между морфемами, как в словах типа *гээд* «сказав». В современном же калмыцком языке для образования соответствующих форм разделительных деепричастий используется интерфиксация: *кэ-h-эд* «сделав», *ги-h-эд* «сказав», что позволяет сохранять прозрачность морфемного состава слов.

Памятники XVIII в. показывают, что две одинаковые гласные были возможны на морфемных швах не только при образовании разделительных деепричастий, но и при образовании других грамматических форм, а также слов. Условия их возникновения стандартны: предшествующая основа оканчивалась на гласный, а служебная морфема начиналась с такой же гласной.

«Алгоритм» появления двух одинаковых гласных на морфемных швах в калмыцком языке XVIII в. ставит под сомнение известную теорию о наличии долгих гласных фонем в калмыцком языке (см., например: [Грамматика калмыцкого языка..., 1983, с. 14–24]). Эта ошибочная теория бытует в калмыцком языкознании, к сожалению, до настоящего времени. Как показывает наш материал, так называемые «долгие» гласные представляют собой продукт соединения морфем, характеризуют морфемный шов и на различение смысла слов и морфем не влияют, а двойное написание гласных в корневых морфемах, как свидетельствует язык изучаемых нами документов XVIII в., – это лишь графическая передача ударных гласных. Так, многие однослоговые существительные в им. пад. ед. ч. писались с одной краткой гласной, а в косвенных падежах с двумя гласными, поскольку на них падало ударение, например: *хон* «овца», но *хөөн-дэ* «овце», *хөө-h-эр* «овцой»; *хан* «хан», но *хаан-дэ* «хану», *хаан-ар* «ханом», *хаан-ур* «к хану», *хаан-аса* «от хана» и т. д. В старописьменном калмыцком языке (**тодо бичиг**) во всех заимствованных словах из русского языка ударные гласные передавались двойным написанием, ср.: *закаа* < закон, *кантуур* < контора, *синоод* < синод, *кинаас* < князь, *бишнөүбка* < вишнёвка (вино), *боодки* < водка, *сухайири* < сухарь, *Ибаан* < Иван, *Бароунаш* < Воронеж и др. [Хараева, 2014, с. 43–94]. В калмыцком языке XVIII в. была обнаружена значительная группа слов, заимствованных из русского языка, обладавших функциональным тождеством, но различавшихся по написанию (впервые об этом: [Хараева, 2014]). Например, слово *губернатор* встречается в калмыцких документах XVIII в. в 19 вариантах, ср.: *губурнаад* // *губарнаатор* // *гувармаатар* // *губермеетер* // *кубирмаатор* // *гувурнаатар* и др. В большинстве вариантов слова *губернатор* в калмыцком языке ударная гласная передается двойным написанием [Хараева, 2014, с. 109].

Чередование появлялось, как правило, в рамках морфологической парадигмы, например: *н* // *й* (им. пад. *балгасун* «город» > вин. пад. *балгасуй ги* «город»); *г* // *ж* (*ниг/эн* «один» > *ниж-ээд* «по одному»); *с* // *ш* (им. пад. *орос* «русский» > вин. пад. *орош-и* «русского»); *г* // *h*

(им. пад. *нутуг* «владение» > исх. пад. *нутуһ-ааса* «из владения»); *aa // a* (*хан* > *хаан-аса* «от хана»); *уу // у* (*зүг* «сторона» > *зүүг-эсэ* «со стороны»).

Заключение

Результаты исследования показали, что на стыке морфем в составе слов калмыцкого языка XVIII в. представлены морфонологические явления разных типов. Они сопровождали словообразовательные и формообразовательные процессы. Фонологические изменения в составе морфем тесно связаны с такими явлениями на морфемном шве, как сингармонизм, чередование, усечение, наращение, наложение, интерфиксация, чередование (кратких и долгих гласных), удлинение гласных, что в совокупности создавало своеобразный «инструмент» для образования алломорф (и вариантов) одной морфемы.

Объем парадигм морфем калмыцкого языка XVIII в. не совпадает с объемом парадигм морфем современного калмыцкого языка. Обнаружено, что калмыцкий язык XVIII в. по морфемной парадигматике более близок современному монгольскому языку, чем современному калмыцкому языку, если сравнивать их идентичные морфемы и их алломорфы, ср.: суффикс многократного причастия: калм. язык XVIII в.: *-даг / -дог / -дөг / -дэг*; совр. калм. язык: только *-дг*; совр. монг. язык: *-даг / -дог / -дөг / -дэг* и т. п.

Результаты исследования позволяют по-новому взглянуть на грамматический строй калмыцкого языка XVIII в., а именно с позиции историко-сравнительного языкознания, когда калмыцкий язык изучается в разных аспектах на материале текстов разных эпох – уникальном письменном наследии, хранящемся в Национальном архиве Республики Калмыкия.

Материал и принципы его описания, представленные в статье, могут послужить базой для изучения и описания исторической грамматики калмыцкого языка диахронического типа. Кроме того, они открывают возможности для развития нового направления в изучении родственных монгольских и тюркских языков: для сравнения и сопоставления родственных языков можно ис-

пользовать не только одиночные идентичные корни и аффиксы (традиционный подход), но и их парадигмы, состоящие из алломорф и вариантов морфем, существовавших в языке в определенные эпохи его развития (новый подход).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее перевод с калмыцкого языка автора статьи.

² В статье приняты следующие сокращения: *вин. пад.* – винительный падеж; *дат. пад.* – дательный падеж; *ед. ч.* – единственное число; *им. пад.* – именительный падеж; *исход. пад.* – исходный падеж; *калм. язык* – калмыцкий язык; *оруд. пад.* – орудийный падеж; *собир. пад.* – собирательный падеж; *совм. пад.* – совместный падеж; *совр. монг. язык* – современный монгольский язык; *сущ.* – имя существительное; *черед.* – чередование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бодуэн де Куртенэ И. А., 1963. Избранные труды по общему языкознанию : в 2 т. М. : Изд-во АН СССР. 2 т.
- Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология, 1983. Элиста : Калмыц. кн. изд-во. 336 с.
- Дырхеева Г. А., Ринчинов О. С., 2005. Морфологическая структура слова в бурятском языке: лингвостатистическое описание (на материале художественного текста). Улан-Удэ : Изд-во Бурят. науч. центра СО РАН. 97 с.
- Земская Е. А., 1973. Современный русский язык. Словообразование. М. : Просвещение. 304 с.
- Крылов С. А., 2004. Теоретическая грамматика монгольского языка и смежные вопросы общей лингвистики. В 6 ч. Ч. 1. Морфемика, морфология, элементы фонологической трансформаторики (в свете общей теории морфологических и морфонологических моделей). М. : Вост. лит. 479 с.
- Кубрякова Е. С., Панкрац Ю. Г., 1983. Морфонология в описании языков. М. : Наука. 119 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь, 1990 / под ред. В. Н. Ярцевой. М. : Сов. энцикл. 683 с.
- Лопатин В. В., 1977. Русская словообразовательная морфемика. М. : Наука. 315 с.
- Лопатин В. В., Улуханов И. С., 1970а. Введение в морфемику // Грамматика современного русского литературного языка. М. : Наука. С. 30–36.

- Лопатин В. В., Улуханов И. С., 1970б. Словообразование // Грамматика современного русского литературного языка. М. : Наука. С. 37–45.
- Онорбаян Ц., 2004. Орчин цагийн монгол хэлний үг зүй. Улаанбаатар : Монгол улсын боловсролын их сургууль. 349 х.
- Орчин цагийн монгол хэл, 2010. Улаанбаатар : Монгол улсын боловсролын их сургууль. 446 х.
- Панов М. В., 1968. Изменение членимости слов // Русский язык и советское общество : Социолого-лингвистическое исследование. В 4 кн. Кн. 2. Словообразование современного русского литературного языка. М. : Наука. С. 214–216.
- Панов М. В., 1970. О значении морфологического критерия для фонологии // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии : очерк : хрестоматия. М. : Наука. С. 368–373.
- Редькин В. А., 1970. Альтернации (чередования фонем) // Грамматика современного русского литературного языка. М. : Наука. С. 463–485.
- Реформатский А. А., 1970а. Введение // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии : очерк : хрестоматия. М. : Наука. С. 14–34.
- Реформатский А. А., 1970б. О соотношении фонетики и грамматики (морфологии) // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии : очерк : хрестоматия. М. : Наука. С. 398–421.
- Реформатский А. А., 1970в. Язык, структура и фонология // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии : очерк : хрестоматия. М. : Наука. С. 516–523.
- Русские переводы XVIII века писем калмыцких ханов и их современников: тексты и исследования, 2013 / Д. А. Сусеева [и др.]. Элиста : Калмыц. гос. ун-т. 744 с.
- Сусеева Д. А., 1985. Словообразовательный словарь калмыцкого языка. Элиста : Калмыц. кн. изд-во. 245 с.
- Сусеева Д. А., 2011. Грамматический строй калмыцкого языка XVIII века: морфонология и морфология (на материале писем калмыцких ханов и их современников). Элиста : КИГИ. 199 с.
- Тихонов А. Н., 1996. Русская морфемика // Тихонов А. Н. Морфемно-орфографический словарь. М. : Школа-Пресс. С. 655–701.
- Хараева А. Т., 2014. Русские заимствованные слова в калмыцком языке XVIII века. Элиста : Калмыц. гос. ун-т. 223 с.
- Харанутова Д. Ш., 2012. Словообразование бурятского языка. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. госун-та. 269 с.

ИСТОЧНИКИ

- БУ РКНА – Бюджетное учреждение Республики Калмыкия «Национальный архив». Ф. 36. Оп. 1 (1. Государственное управление. Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе). Д. 1, 3, 9, 10, 17, 35, 36, 37, 38, 40, 41, 52, 78, 195, 383, 390.
- Сусеева Д. А. Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвосociологического исследования / отв. ред. Э. Р. Тенишев. Элиста : Джангар, 2003. 384 с.
- Сусеева Д. А. Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников (1713–1771 гг.): избранное. Элиста : Джангар, 2009. 991 с.

REFERENCES

- Boduen de Kurtene I.A., 1963. *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniiyu: v 2 t.* [Selected Works on General Linguistics. In 2 Vols.]. Moscow, Izd-vo AN SSSR.
- Grammatika kalmytskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Grammar of the Kalmyk Language. Phonetics and Morphology], 1983. Elista, Kalmytskoye knizhnoye izdatel'stvo. 336 p.
- Dyrkheeva G.A., Rinchinov O.S., 2005. *Morfologicheskaya struktura slova v buryatskom yazyke: lingvostatisticheskoye opisaniye (na materiale khudozhestvennogo teksta)* [Morphological Structure of a Word in the Buryat Language: Linguistic and Statistical Description (Based on the Material of a Literary Text)]. Ulan-Ude, Izd-vo Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN. 97 p.
- Zemskaya E.A., 1973. *Sovremenniy russkiy yazyk. Slovoobrazovaniye* [Modern Russian Language. Word Formation]. Moscow, Prosveshcheniye Publ. 304 p.
- Krylov S.A., 2004. *Teoreticheskaya grammatika mongol'skogo yazyka i smezhnye voprosy obshchey lingvistiki. V 6 ch. Ch. 1. Morfemika, morfonologiya, elementy fonologicheskoy transformatoriki (v svete obshchey teorii morfolo-gicheskikh i morfonologicheskikh modeley)* [Theoretical Grammar of the Mongolian Language and Related Issues of General Linguistics. In 6 Parts. Part 1. Morphemics, Morphonology, Elements of Phonological Transformatorics (In the Light of the General Theory of Morphological and Morphological Models)]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ. 479 p.
- Kubryakova E.S., Pankrats Yu.G., 1983. *Morfonologiya v opisaniy yazykov* [Morphonology in the

- Description of Languages]. Moscow, Nauka Publ. 119 p.
- Yartseva V.N., ed., 1990. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ. 683 p.
- Lopatin V.V., 1977. *Russkaya slovoobrazovatel'naya morfemika* [Russian Word Formation Morphemics]. Moscow, Nauka Publ. 315 p.
- Lopatin V.V., Ulukhanov I.S., 1970a. Vvedenie v morfemiku [Introduction to Morphemics]. *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the Modern Russian Literary Language]. Moscow, Nauka Publ., pp. 30-36.
- Lopatin V.V., Ulukhanov I.S., 1970b. Slovoobrazovaniye [Word Formation]. *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the Modern Russian Literary Language]. Moscow, Nauka Publ., pp. 37-45.
- Onorbayan Ts., 2004. *Orchin tsagiyn mongol khelniy üg züy* [Modern Mongolian Vocabulary]. Ulaanbaatar, Mongol ulsyn bolovsrolyn ikh surguul'. 349 p.
- Orchin tsagiyn mongol khel* [Modern Mongolian Language], 2010. Ulaanbaatar, Mongol ulsyn bolovsrolyn ikh surguul'. 446 p.
- Panov M.V., 1968. Izmeneniye chlenimosti slov [Changing the Articulation of Words]. *Russkiy yazyk i sovetskoe obshchestvo: Sotsiologolingvisticheskoye issledovaniye. V 4 kn. Kn. 2. Slovoobrazovaniye sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Russian Language and Soviet Society: Socio-Linguistic Research. In 4 Books. Book 2. Word Formation of the Modern Russian Literary Language]. Moscow, Nauka Publ., pp. 214-216.
- Panov M.V., 1970. O znachenii morfologicheskogo kriteriya dlya fonologii [On the Significance of the Morphological Criterion for Phonology]. Reformatskiy A.A. *Iz istorii otechestvennoy fonologii: ocherk: khrestomatiya* [From the History of Russian Phonology. Essay. Chrestomathy]. Moscow, Nauka Publ., pp. 368-373.
- Red'kin V.A., 1970. Al'ternatsii (cheredovaniya fonem) [Alternations (Alternation of Phonemes)]. *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the Modern Russian Literary Language]. Moscow, Nauka Publ., pp. 463-485.
- Reformatskiy A.A., 1970a. Vvedenie [Introduction]. Reformatskiy A.A. *Iz istorii otechestvennoy fonologii: ocherk: khrestomatiya* [From the History of Russian Phonology. Essay. Chrestomathy]. Moscow, Nauka Publ., pp. 14-34.
- Reformatskiy A.A., 1970b. O sootnoshenii fonetiki i grammatiki (morfologii) [On the Relationship Between Phonetics and Grammar (Morphology)]. Reformatskiy A.A. *Iz istorii otechestvennoy fonologii: ocherk: khrestomatiya* [From the History of Russian Phonology. Essay. Chrestomathy]. Moscow, Nauka Publ., pp. 398-421.
- Reformatskiy A.A., 1970v. Yazyk, struktura i fonologiya [Language, structure and phonology]. Reformatskiy A.A. *Iz istorii otechestvennoy fonologii: ocherk: khrestomatiya* [From the History of Russian Phonology. Essay. Chrestomathy]. Moscow, Nauka Publ., pp. 516-523.
- Suseeva D.A., Kotyaeva E.S., Olyadykova L.B., Yarmarkina G.M., 2013. *Russkiye perevody XVIII veka pisem kalmytskikh khanov i ikh sovremennikov: teksty i issledovaniya* [Russian Translations of the 18th Century Letters of the Kalmyk Khans and Their Contemporaries. Texts and Studies]. Elista, Kalmytskiy gosudarstvennyy universitet. 744 p.
- Suseeva D.A., 1985. *Slovoobrazovatel'nyi slovar' kalmytskogo yazyka* [Word Formation Dictionary of the Kalmyk Language]. Elista, Kalmytskoe knizhnoe izdatelstvo, 1985. 245 p.
- Suseeva D.A., 2011. *Grammaticheskiy stroy kalmytskogo yazyka XVIII veka: morfonologiya i morfologiya (na materiale pisem kalmytskikh khanov i ikh sovremennikov)* [Grammatical Structure of the Kalmyk Language of the 18th Century: Morphology and Morphology (Based on the Letters of the Kalmyk Khans and Their Contemporaries)]. Elista, KIGI. 199 p.
- Tikhonov A.N., 1996. *Russkaya morfemika* [Russian Morphemics]. Tikhonov A.N. *Morfemno-ortograficheskiy slovar'* [Morphemic and Orthographic Dictionary]. Moscow, Shkola-Press Publ., pp. 655-701.
- Kharaeva A.T., 2014. *Russkiye zaimstvovannyye slova v kalmytskom yazyke XVIII veka* [Russian Loanwords in the Kalmyk Language of the 18th Century]. Elista, Kalmytskiy gosudarstvennyy universitet. 223 p.
- Kharanutova D.Sh., 2012. *Slovoobrazovaniye buryatskogo yazyka* [Word Formation of the Buryat Language]. Ulan-Ude, Izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta. 269 p.

SOURCES

Byudzhethnoe uchrezhdeniye Respubliki Kalmykiya «Natsional'nyi arkhiv» [Budgetary Institution of the Republic of Kalmykia "National

Archive”], f. 36, op. 1 (1. Gosudarstvennoye upravleniye. Sostoyashchiy pri kalmytskikh delakh pri astrakhanskom gubernatore [1. Public Administration. Serving Under the Astrakhan Governor for Kalmyk Affairs]), d. 1, 3, 9, 10, 17, 35, 36, 37, 38, 40, 41, 52, 78, 195, 383, 390.).
Suseeva D.A. *Pis'ma khana Ayuki i ego sovremennikov (1714–1724 gg.): opyt lingvosotsiologicheskogo issledovaniya* [Letters of Khan Ayuka and His

Contemporaries (1714–1724): The Experience of Linguistic and Sociological Research]. Elista, Dzhangar Publ., 2003. 384 p.

Suseeva D.A. *Pis'ma kalmytskikh khanov XVIII veka i ikh sovremennikov (1713–1771 gg.): izbrannoe* [Letters of the Kalmyk Khans of the 18th Century and Their Contemporaries (1713–1771). Selected]. Elista, Dzhangar Publ., 2009. 991 p.

Information About the Author

Danara A. Suseeva, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language and General Linguistics, Russian and Foreign Literature, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Pushkina St, 11, 358000 Elista, Russia, suseeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8814-8007>

Информация об авторе

Данара Аксеновна Сусеева, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания, русской и зарубежной литературы, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, ул. Пушкина, 11, 358000 г. Элиста, Россия, suseeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8814-8007>